

Обожаю играть дураков. Я их всех, своих дураков, люблю. И народ их любит. Такому артисту, как я, всякий может сказать: «Придурак, здорово, как дела?» Фамильярно, грубовато, но доверительно. Я прощаю этих людей, хотя такое обращение к себе, думаю, никто не стерпит. Но я понимаю своего зрителя, маленького человека, которого везде унижают — на работе, в магазине, на улице и дома. И вдруг такой вот человек видит на экране когс-то, кто слабее его. И, смеясь надо мной, то есть над моими героями, люди чувствуют себя сильнее и умнее.

Характерный актер ближе зрителю, чем исполнитель ролей героических. Он соразмерен зрителю. Конечно, каждый характерный актер мечтает быть героем. У меня тоже была мечта — я хотел сыграть Гамлета. Хотя бы во втором составе. Но мой учитель Конский сказал: такого не бывает, если только в двадцать втором составе. Сейчас я уже о Гамлете не мечтаю. И дело не во внешности. В конце концов первый исполнитель Гамлета был немолод и тучен — Шекспир описание внешности этого актера вставил в текст пьесы. Но я понял, что у каждого актера свой путь и нельзя прожить чужую жизнь.

С детства я знал, что буду артистом. Поэтому поехал в Москву после окончания школы поступать в театральный институт. Был абсолютно уверен, что в столице мне все страшно обрадуется, скажут — ах, кто это к нам приехал! Но в Москве мне сказали, что таких артистов не бывает — у меня дефект речи, неправильный прикус. Неудача не обескуражила — я отправился в Ярославль, тем более что там в театральном училище экзамены были позже, в августе. «Вот тут-то, на родине первого русского актера Федора Волкова, меня ждут!» — думал я. И оказался прав. Мне обрадовались в Ярославле на моторном заводе. Так я стал разнорабочим, а потом токарем.

Вот там одна девчонка поведала мне, что есть известная артистка, у которой с дикцией тоже не все в порядке. Я нашел эту актрису, встретился с ней. И она мне сказала: если ты веришь, что без этой профессии жить не можешь, — пробуй. Так на следующий год я оказался перед приемной комиссией актерского факультета ГИТИСа.

Курс набирал замечательный педагог, артист МХАТа Григорий Конский. «У меня вот что», — честно сказал я, демонстрируя свой недостаток. «И у меня», — в тон мне ответил Конский, у которого — ура! — был такой же недостаток. Это нас как-то сразу расположило друг к другу. Но было еще одно препятствие для моего поступления — плохая характеристика с места работы. В ней было написано что я опаздываю на смену. Ректору института это не понравилось, он был против того, чтобы меня принимали. Случаются ситуации, когда бумаге верят больше, чем человеку. Но, несмотря ни на что, Конский взял меня к себе на курс. Эта история научила меня двум вещам. Первое — с тех пор я никогда никуда не опаздываю. И второе — я понял, что человек бывает посильнее бумаги.

Меня учили замечательные артисты — Г. Конский и О. Андровская. Конский был выдающийся педагог, а Андровская — выдающаяся актриса, хотя педагог, на мой взгляд, уровнем пониже. Но ее показы были незабываемы. Она учила своей биографией, сыгранными ролями, своим отношением к театру. До сих пор помню, как преобразилась она, мгновенно молодея, показывая Мирандолу во время репетиций нашего дипломного спектакля «Хозяйка гостиницы». В то время (начало семидесятых) казалось, что у нее — ученицы Станиславского, легендарной Сюзанны из «Женитьбы Фигаро», Лизы из «Горе от ума», очаровательной вдовушки из чеховского «Медведя» — все в прошлом. И вдруг, незадолго до смерти, — роль пани Конти в пьесе О. Заградника «Соло для часов с боем», где снова продемонстрировали свое уникальное мастерство «старички» МХАТа.

Я был на съемке — зрелище было страшное и прекрасное. Зал набит битком. Происходил праздник чуда. А страшно становилось потому, что Ольгу Николаевну привозили из больницы, у нее был рак, она доживала последние дни, ее облучали, вылезли волосы — а она, казалось, этого не замечала, говорила, что это авитаминоз. Одна актриса сказала ей: «Лелечка, зачем вы так трагитесь?» А Андровская ответила: «Деточка, я так счастлива...». И в следующий раз, когда вы будете смотреть по телевизору фильм-спектакль «Соло для часов с боем» и смеяться вместе с милыми стариками, вспомните, чего это им стоило.

ГИТИС я заканчивал, скажу без ложной скромности и в стиле своей маски, блистательно и получил сразу пять приглашений из московских театров. Вернее, приглашений было четыре. Пятый театр позвал меня, так как я имел уже четыре приглашения. И я пошел туда, в пятый театр, куда меня брали... балластом. Я выносил стулья в темноте. При свете играли уже другие актеры, более опытные. Еще я выходил в массовках. И была у меня одна роль, в детском спектакле

я играл дровосека. Но во втором составе. И только в дни школьных каникул, когда спектакли дают в 10 часов утра, к часу дня мне уже разрешалось рубить деревья. Так бы я их и рубил до сих пор, если бы однажды мне не позвонил кинорежиссер Владимир Мотыль.

Мотыль умеет открывать актеров. Он открыл Даля в фильме «Женя, Женечка и «Катюша», Луспекаева в «Белом солнце пустыни», Костоловского в «Звезде пленительного счастья». Получить приглашение от него было редким везением. У японцев есть поговорка. В жизни каждого че-

хорошими людьми и настоящими художниками. Мотыль, Рязанов, Хейфиц («Шурочка»), Мельников («Чужая жена и муж под кроватью»), Аранович («Торпедоносцы»). Я всех режиссеров, с которыми работал, люблю и уважаю. Единственный режиссер, который меня пока не снимал, но, надеюсь, исправит эту ошибку, — это Феллини. Не знаю, почему он меня не приглашает. Может, просто не уверен в моем страстном желании с ним работать?

Сейчас я снимаюсь вместе с Иннокентием Смоктуновским. Этот актер — выдающееся явление. Мне интересно наблюдать за ним. Хотя у меня нет артистов, которые были бы для меня образцом, — у каждого свой путь, но настоящий мастер всегда вызывает восхищение и уважение. А ценить людей научила меня встреча с Высоцким на съемках фильма «Место встречи изменить нельзя». Кстати, зритель запомнил меня прежде всего как уголовного по прозвищу Кирпич. Так порой ко мне и обращаются. А меня это раздражает. Я не люблю останавливаться, «зацикливаться» на чем-то. Сделал работу — и иду дальше, а зрителю хочется меня оставить там, в том фильме, навеки соединить с одной ролью. Так вот о Высоцком. Характер у меня ужасный. Я и сам от него страдаю, но сделать ничего не могу. И держался я с Владимиром Семеновичем примерно так: подумаешь, Высоцкий, я сам — Садаевский. Что он за человек, я до конца осознал только тогда, когда он умер и лежал на сцене Театра на Таганке в костюме Гамлета с розой в руках...

Я говорил, что у меня нет кумиров-актеров. Но к эстрадным артистам у меня особое отношение. Им, скажу честно, завидую, завидую тому, как они подчиняют себе гигантские зрительские аудитории. Считаю великой актрисой Аллу Пугачеву. Она все время «завышает планку», не стоит на месте, никого не боится и остается сама собой. Когда-то, в годы застоя, ходил анекдот. На вопрос мальчика из XXI века — кто такой Брежнев? — ему отвечали: мелкий политический деятель времен Аллы Пугачевой. Но ведь так оно и есть. Правители приходят и уходят, а артисты остаются властителями дум. И для меня перестройка в искусстве заключается в том, чтобы артисты, а не чиновники стали главными людьми в искусстве.

Сейчас у меня несколько работ. У режиссера В. Шилова буду сниматься в «Блуждающих звездах» по Шолом-Алейхему. На эту роль я был приглашен без унизительных кинопроб. Мне кажется, что если режиссер выбрал меня для роли, то незачем и проговариваться. Можно проговаривать костюм, грим, декорации, но проговаривать актера — это абсурд. Когда у меня бывают пробы, то я считаю, что это не режиссер пробует меня на роль, а я проверяю, подходит ли мне режиссер. Кроме того, сейчас снимаюсь у режиссера Л. Пчелкина в телефильме по пьесе Островского «Сердце не камень» — он оказался удивительно современным драматургом. Впереди телеработа над ролью Расплюева. Эту роль я впервые сыграл недавно в театре-студии на Юго-Западе. После той, первой встречи с театром мне казалось, что я уже никогда не выйду на сцену. Но несколько лет назад понял — театр на Юго-Западе по-настоящему живой. И сыграл в нем кавалера Риппафрату в «Трактирщице», Брата в «Последней женщине сеньора Хуана», Расплюева в трилогии Сухово-Кобылина.

А завершить свой «дурацкий» монолог я хочу рассказом об одном поразившем меня эпизоде. В картине «Лес» я снимался с Л. Целиковской, которая — целая эпоха в нашем кино. Я это знал, конечно, но никак не мог предположить, что же значила она для своего поколения зрителей. Мы снимали фильм в Николо-Прозорове, в усадьбе Суворова.

И вот две старушки из ближайшей деревни, узнав, что приезжает Целиковская, надели парадные платочки и в 8 утра вышли встречать свою молодость, Люсю Целиковскую. Но, как говорится, в «кино опоздать невозможно». Наша съемочная группа приехала только в четыре часа дня. А старушки под солнцем стояли до четырех, ждали свою спасительницу. Когда увидели Целиковскую — встали на колени. Подарили ей два ведра цветов. И рассказали, что, когда подходил фронт к их дому, они бежали от немцев, побросав все. Несли с собой самое дорогое — коробики с фильмом «Антон Иванович сердится». «Спасибо, Люся, ты помогла нам выжить», — сказали старушки артистке.

Я — характерный актер, играю смешные роли и мечтаю, чтобы кто-нибудь, когда-нибудь сказал мне: «Спасибо, дружище, мне было очень плохо, тошно, а твоя работа помогла мне выжить». Это для меня поглавнее самой главной премии.

Монолог записала
В. ФЕДОРОВА.

● С. Садаевский.

Фото В. Киселева.

Станислав Садаевский:

«ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ...»

ДУРАКОМ?!»

Монолог актера, который так часто играет их в кино

ловека бывает шанс. Но часто удача приходит к нам в дом, а мы сидим в это время у друзей за чашкой чая. К счастью, в тот день я был дома. Мы с Мотылем встретились, и была назначена проба. Он предупредил меня сразу: если кто-то сыграет эту роль лучше, утверждён будет он. Я пробовался на роль Буланова в «Лесе» так, словно играл в последний раз, словно завтра конец. Утвердили меня единогласно. Как артист я состоялся после этого фильма. Я внутренне почувствовал себя артистом, ибо за девять лет работы в театре стал терять веру в себя, чувство собственного достоинства. А я убежден, что у человека можно отнять звание, зарплату, но только не чувство достоинства. Я ни секунды не жалею, что ушел из театра, где меня не любили за мое стремление вести себя независимо. И с тех пор я нигде не служу, занимаюсь любимым делом, делаю то, что умею, — играю в кино.

Но вернемся к «Лесу». Казалось, судьба моя должна была сразу круто измениться, но фильм не выпустили на экраны, он почти десять лет пролежал на «полке» (это Островский-то!). А когда появился, прошел как-то второпях. Так я узнал, что может злая воля одного человека, который обладает правом разрешать или запрещать. В 1984 году мне, например, не разрешили сниматься в американском фильме «Петр Великий».

Но все же повезло. Я снялся у Эльдара Рязанова в телефильме «О бедном гусаре замолвите слово». Мне вообще везло на встречи с